

Пролог

«ПРИЯТНАЯ» ВСТРЕЧА

— Мы в глубокой заднице! — в полном отчаянии воскликнул юноша, что-то быстро набирая на компьютере.

— А я говорил, что все сорвется, — бубнил недовольный голос по рации, валявшейся на столе.

В маленькой комнатухе было три человека. Один сидел за ноутбуком, второй собирал какие-то вещи, а третий стоял в углу, уставившись в экран своего смартфона.

— Чего стоишь? — обратился к нему парень, который распихивал оборудование по черным сумкам. — Ждешь, когда здесь появится Интернет?

Тот, что стоял с телефоном, поднял озорно блеснувшие серые глаза.

— Sólo puedo improvisar*, — ухмыльнулся он.

— Не вовремя ты со своим испанским! — рявкнул юноша из-за ноутбука.

— Проблемы надо решать по мере поступления, Най. — С этими словами сероглазый

---

* С исп. «Я могу только импровизировать».

мужчина убрал телефон в карман джинсов и направился к двери.

Най Леманн в ответ только нервно дернул плечом и взъерошил свои светлые волосы, надеясь скрыть тревогу. На экране ноутбука у него было видео с нескольких камер наблюдения, и почти везде в кадре сновали люди в куртках с надписью «Интерпол» на спине. В любой момент они могли ворваться в каморку и повязать всех, кто в ней находился. А больше всего Ная бесило то, что организатор всей этой опасной авантюры совсем не беспокоился об их плачевном положении.

— Вот же самовлюбленный придурок, — прошипела рация.

Голос принадлежал четвертому члену группы, оператору-связисту. Он координировал их действия, видел все и вся. Работал он на расстоянии, с крыши одного из соседних зданий. Можно сказать, что он даже оказал услугу, явившись в непосредственно близкое к операции место. Когда работа была попроще, он запросто мог остаться координировать из дома или в рабочей студии.

Тот, что шел к двери, остановился и взял рацию со стола.

— Кристиан, ты знаешь, что я тебя слышу?

— Знаю, — ответили по рации, — и могу повторить тебе это лично. Маэль, ты — самовлюбленный придурок. Ты ошибаешься, если уверен, что и на этот раз выберешься и тебя не поймают. Сегодня тебе точно конец.

Так же думали все в группе.

Маэлье Сантана — высокий, крепкий испанец — был главным организатором всей

операции. Обаятельный и временами гениальный, он любил действовать спонтанно. Ему не нравилось составлять планы и схемы, которые были так важны для Кристиана и Ная. Маэль обычно полагался на свой блестящий ум и ловкость и предпочитал импровизировать. Члены команды, кстати, хоть и ругали его за некоторую безалаберность, но втайне верили в него и надеялись, что и из этой заварухи Сантана их вытащит.

Маэль снова достал смартфон, чтобы посмотреть время. Половина десятого. Идеально!

— Меньше паники, девчата, — сказал он, распахивая дверь. — Ваш рарá сейчас все решит.

— Что ты собираешься делать? — спросил парень, который паковал оборудование.

Он уже собрал пару сумок, куда сложил дрели, приспособления для прослушки и огромные щипцы. А у его ног, прислоненные к стене, стояли две картины — те самые, ради которых они всей командой и оказались здесь. Продав эти картины, они пополнят свои офшорные счета на очень внушительные суммы.

Впрочем, Маэль концентрировался не на деньгах, а на процессе. Ему нравилась эта волнительная суматоха.

— Мы же в национальном театре балета, — ответил Маэль. — И прямо сейчас конец второго акта. Я всего лишь хочу взять в заложники какого-нибудь гостя. Пацифизм и человеколюбие Интерпола безграничны. Они выпустят нас отсюда, не сомневайтесь.

— И кого же ты возьмешь? — удивленно, но с надеждой спросил голос по рации.

— Кого-то, кто просто необходим.

— Да тебя даже в холл не выпустят, — взвинченно парировал Най, оборачиваясь. — Интерпол уже везде — и на первом этаже, и на улице вокруг театра.

И он выразительно кивнул на ноутбук, который транслировал видео с камер наблюдения. Маэль улыбнулся.

— Я и не пойду в холл. Мне больше нравится за кулисами. Собирайте вещи, девочки, мы сваливаем отсюда.

* * *

Громкий шум аплодисментов — верный знак того, что начался антракт. Но сотрудники Интерпола, дежурившие у каждого выхода, никого не выпускали из зала, и поэтому все коридоры пустовали.

Добраться до гримерных оказалось проще простого. Маэль всего лишь прошел по служебным коридорам для персонала, куда не обремененные умом интерполовцы и не подумали сунуться. Он был одет в темные брюки и водолазку, на руках — перчатки, портативный микрофон у уха и два кольца в кобуре, прикрепленной к поясу. С собой у него была маска, которая закрывала половину лица, оставляя лишь глаза. Эту очаровательную вещь Маэль приобрел на фестивале в Рио и до сих пор с ней не расставался. На ней была изображена волчья пасть.

Маэлен считал себя безжалостным. Он мог выстрелить в человека, если бы это нужно было для дела. Собственно, это он и планировал сделать, если заложник окажется строптивым.

Спрятавшись за углом, Сантана надел маску и прислушался. Актеры щебетали о всякой ерунде, бегая по коридору между гримерными и раздевалками. Они обсуждали чей-то неудавшийся па-де-де, солиста, переспавшего с балериной из кордебалета, пониженное жалование и салат на завтрак, оказавшийся просроченным.

В такой толпе ему ловить нечего. Маэль снял с предохранителя кольт и бесшумно проскользнул в ближайшую к нему дверь, которая вела в туалет, как оказалось, женский. Актеры были так заняты собой, что никто не заметил высокого парня в черном.

Он очутился в небольшом, отделанном белой плиткой помещении. Бледный свет лампочки, немного заляпанное зеркало над раковинами и четыре кабинки. Маэль зашел в одну из них, прикрыл дверцу, потом облокотился на нее спиной и вздохнул. Этот вечер его утомил. Он представил, как придет домой, примет душ, приготовит ужин, а потом сядет на балконе своего пентхауса с бокалом вина и будет смотреть на Марсель. Этот большой, неугомный и красивый город нравился Сантане только ночью, когда гул его немного утихал и загорались неоновые огни на высоких зданиях. Во Франции, конечно же, было здорово, но порой он скучал по куда более душевной Испании, в которой родился и прожил много лет.

Его размышления прервал стук двери и шаги. Маэль оживился, поняв, что кто-то зашел в уборную. Он крепче сжал оружие, готовый выйти и сделать то, что задумал. В щель между

дверцей и стеной было видно, как к зеркалу подошла девушка в лиловом балетном платье.

— Убогий театр, убогая труппа! — фыркнула она, открывая кран. — Можно подумать, я должна всю жизнь быть просто солисткой.

«Говорит сама с собой, явно двинутая», — подумал Маэль и на секунду даже засомневался, надо ли трогать эту девицу.

— Ненавижу! Я им всем шеи переломаяю! Посмеюсь в лицо, когда стану примой в «Виллисах»... И еще дерьмо какое-то в театре творится прямо во время премьеры! Вот убожество...

Девушка не успела договорить. Дверь туалетной кабинки медленно открылась, и оттуда вышел высокий мужчина в черной одежде и в маске. В руке у него был пистолет. Парень целился прямо в нее, не сводя пристального взгляда серых глаз.

— Малыш, у тебя проблемы посерьезнее. Двинешься — и останешься без головы. Кто твоим коллегам тогда шеи ломать будет?

Он рассмеялся, а девушку захлестнула волна панического ужаса.

Глава 1

У СУДЬБЫ ИСКРОМЕТНЫЙ ЮМОР

Аллонже*, потом па-де-ша**, дальше со-дебаск*** и тан-лие****...

И снова. И еще раз.

Она кружилась в голубоватом свете софитов, прыгала и семенила на носочках, руки ее описывали плавные дуги. Тысячи глаз были устремлены только на нее. Ее хрупкая фигурка в лиловом платье-пачке с блестящими украшениями быстро и изящно прыгала от одного края сцены к другому. Оркестр играл один из номеров «Спящей красавицы» только для нее.

---

* Прием классического танца, основанный на распрямлении закругленных позиций рук (от *фр.* allonge – «удлинённый, вытянутый, продлённый»).

** Прыжковое движение: согнутые ноги поочередно отбрасываются назад, корпус прогибается ¹ (от *фр.* pas de chat – «кошачий шаг»).

*** Прыжок с ноги на ногу с продвижением в сторону и поворотом в воздухе (от *фр.* saute de basque – «прыжок баска»).

**** Комбинация движений, которая состоит из переходов с ноги на ногу скользящими шагами (*temps lie*, от *фр.* *lier* – «связываться, соединять»).

Как она прекрасна, как женственна и восхитительна! Густые темные волосы убраны в высокую прическу, украшенную тиарой с разноцветными камнями. Голубые глаза не видят ничего, она не обращает никакого внимания даже на зал. Сейчас она танцует. Сейчас она забылась. Сейчас ее руками и ногами правит лишь искусство.

Анна-Мария была рождена для балета — стройная фигура, рост чуть выше среднего и молочно-белая кожа. Черты ее лица привлекали и запоминались, хотя ее сложно было назвать классической красавицей. Бледное лицо, осыпанное веснушками, обрамляли длинные темные волосы. Но примечательнее всего были глаза — голубые, ясные, по-волчьи яркие, под дугами густых бровей. Холодная, но темпераментная, Анна-Мария излучала харизму и уверенность.

В труппе ее называли Астра, что значит «звезда». Столь громким и красивым прозвищем балерину наградили режиссер и хореограф, и другим танцорам и актерам нехотя тоже пришлось называть ее так. Никто не хотел казаться стервой или ублюдком больше положенного. В этой индустрии открыто презирать неэтично. В лицо улыбаешься, втайне ненавидишь. Такие правила.

Музыка закончилась, и, выгнувшись напоследок, Анна-Мария скрылась за кулисами под аплодисменты. Едва она оказалась там, спокойное и даже блаженное выражение ее лица сменилось на отстраненное и высокомерное. Она быстро прошла мимо танцоров, которые должны

были выйти следующими. Анна-Мария пренебрежительно относилась к артистам кордебалета. Ведь они стояли в самом низу иерархии, были просто массовой, хотя многие с ней бы не согласились. Но в этом и заключалась категоричность ее мышления. Сама она была ведущей солисткой, следующей прямо после примы. Солисты — несколько девушек и мужчин — куда заметнее обычного кордебалета.

А вот прима всего одна-единственная и неповторимая, она всегда получает главные роли. Ей и мечтала быть Анна-Мария. Разве она этого не заслужила? Красива, знаменита, великолепно танцует, вкалывает как проклятая, старается из всех сил. А потом узнает, что на роль Авроры в «Спящей красавице» берут другую солистку, Софи Монтеस्कьё. Эту жалкую светловолосую сучку, которую теперь Анна-Мария искренне ненавидит. Как обычно, не следуя правилам, ненавидит прямо в лицо. Честно и открыто.

Ничего. Скоро она обязательно станет примой. И весь Марсель узнает, кто такая Анна-Мария Валевская.

— Валевская! — окликнул ее мужской голос.

Она обернулась.

— Ты была так грациозна, — пропел он.

Ее догнал мужчина в черных брюках и черной водолазке, хорошо сложенный, но уже немного в возрасте. У него было симпатичное лицо, а зеленые глаза, скрывавшиеся за очками в толстой оправе, все еще оставались юными. Сейчас они восхищенно-боготворяще смотрели на Анну-Марию.

— Я знаю, — спокойно ответила Анна-Мария.

— Ты столь благородна, — снова заговорил мужчина. — Идеал балерины!

— И тем не менее ты не дал мне Аврору, — презрительно фыркнула она.

Аллен, режиссер балетной труппы Марсея, пожал плечами.

— Она не для тебя, моя Астра. Ты больше темная, чем светлая.

— Жалкие отговорки! — скрестила руки на груди Анна-Мария. — Чем я плоха?

Аллен взял ее за плечи и воскликнул:

— Плоха? Чем ты можешь быть плоха?! Ты идеал! Благородное русско-французское происхождение, восхитительная внешность, грациозные движения. Ты богиня, сошедшая с Олимпа! Ты словно Психея, словно Афродита, словно Венера, но не из камня, а из плоти... Я так люблю тебя, ты не представляешь!

Анна-Мария в ответ лишь закатила глаза. Аллен так тривиально и наигранно пел ей дифирамбы, бросался громкими словами, что начинал утомлять. Сколько преувеличенных банальностей! Хотя Аллен всегда был таким. Он и сам раньше был знаменитым премьером, танцевал не только здесь, но и в Париже, и в Нью-Йорке, и в Санкт-Петербурге. Аллен Неве когда-то был почти легендой. Однако время неумолимо, и ему пришлось завершить карьеру из-за возраста. Теперь он режиссер, который боготворит всех своих солистов. Каждому говорит, как любит. А потом берет и ставит эту сучку Софи на роль Авроры в «Спящей красавице»! Просто как нож в спину.

Анна-Мария развернулась и направилась в гримерку, прочь от всех. После сцены с кордебалетом будет антракт, так что можно передохнуть. Ее раздражал сегодняшний день, день премьеры. Как назло, в Театре искусства Марселя сегодня был переполох. Театр располагался в старом и очень красивом здании, стены которого украшали картины и скульптуры. Здесь часто проходили балетные премьеры. И вот в этом святилище искусства, живописи и балета, как выяснилось, случилось отвратительное — кто-то попытался украсть несколько ценных картин. Сработала сигнализация, и наряд полиции прибыл прямо в театр. По слухам, работал не просто какой-то дилетант, а группа воров, давно объявленных в розыск в Европе. Анна-Мария мало знала о происшествии, ей было некогда. Но все же она где-то услышала, что группа эта называется «Лобос»*, или «Волки», в нее входит несколько человек и их ловят вот уже пять лет. Узнав, кто именно попался на горячем, сразу приехал Интерпол. Люди в форме наводнили театр, пытаясь найти воров, все входы и выходы были заблокированы.

«Ну хотя бы премьеру не сорвали, а разрешили продолжать», — подумала Анна-Мария, хотя ей и казалось, что это не очень безопасно. С другой стороны, что сделают эти люди из «Лобоса»? Нападут на них, на танцоров? Вряд ли. Их либо поймают сегодня, что маловероятно, либо они улизнут с похищенными картинами. Они же мошенники, а не убийцы.

---

* С исп. «Lobos» — «Волки».

По дороге к себе Валевская прошла мимо гримерной той самой Софи. Сегодня она танцевала партию принцессы и была одета во что-то розовое и блестящее. Увидев в коридоре Анну-Марию, сегодняшняя прима ухмыльнулась и подмигнула ей, явно ощущая свое превосходство. Вид у нее был ангельский, но вот лицо — стервозное донельзя.

Анна-Мария лишь фыркнула и прошла мимо. Она зашла к себе в гримерную, стянула с ног пуанты и надела розовенькие угги с помпончиками. Теперь она выглядела забавно: верх роскошный, а низ нелепый. Но каждый в балетной сфере знает: главное — это утеплить лодыжки и ноги. Во время антракта у нее будет время отдохнуть, сменить костюм и поругаться с кем-нибудь. Все как надо.

* * *

Анна-Мария зашла в уборную, чтобы умыться и успокоиться.

— Убогий театр, убогая труппа! — прошипела она. — Можно подумать, я должна всю жизнь быть просто солисткой. Ненавижу! Я им всем шею переломаяю! Посмеюсь в лицо, когда стану примой в «Виллисах»... И еще дерьмо какое-то в театре творится прямо во время премьеры. Вот убожество!..

Ее раздражало все, даже она сама. Сегодня у нее не было настроения играть в стерву, ругаться с Алленом, подкалывать Софи. Хотелось дотанцевать, переодеться и уйти домой.

Тут у нее дрогнуло сердце — она увидела в зеркале, как за ее спиной открывается дверь

кабинки. Наверное, какая-нибудь балерина из труппы услышала все сказанное Анной-Марией и сейчас выйдет и начнет смеяться. Она развернулась, готовая сказать что-нибудь ехидное, но в следующий момент едва не лишилась чувств — настолько неожиданным было то, что она увидела. Из кабинки вышла не балерина, а высокий крепкий брюнет, одетый во все черное. Половину его лица скрывала маска, были видны лишь *дикие и мрачные серые глаза*. В руке он держал пистолет. Который наставил, разумеется, на Анну-Марию.

— Малыш, у тебя проблемы посерьезнее. Двигаться — и останешься без головы. Кто твоим коллегам тогда шеи ломать будет? — спросил он с явной издевкой.

Валевская словно окаменела. И сразу обо всем догадалась. Это он, это один из «Лобоса»!

Мужчина медленно направился к ней. Анна-Мария попыталась отступить на шаг, но уперлась спиной в стоящие сзади раковины Сердце бешено забилося, в голове опустело. Ее лицо застыло, но в глазах читался животный страх. Он подошел едва ли не вплотную, глядя прямо на нее, облокотился одной рукой о раковину, в другой держал пистолет.

Внезапно в голове у Анны-Марии промелькнула мысль, что режиссер в театре всегда может решить любую проблему. Севшим, тихим голосом, едва ли не шепотом она протянула:

— Алле-е-ен...

Вор прижал палец к губам Анны-Марии.

— Тсс, девочка, не шуми. Тебе же жить хочется? Поможешь мне и свободна.

Валевская кивнула. Первое оцепенение прошло, разум потихоньку возвращался к ней. Она пыталась сообразить, как спастись, но ничего дельного в голову не приходило. Однако Анна-Мария была не из тех, кто сидел смиренно. Она была рождена, чтобы бороться. И сейчас тоже просто так не сдастся.

* * *

Маэль схватил девицу за плечо и потащил к двери. К ее боку он приставил пистолет и был готов выстрелить, если понадобится. Сантана жалел лишь о том, что кругом балеруны, а не какие-нибудь актеры. Они ведь гибкие и ловкие, еще выкинут что-нибудь. Хотя он слышал, что балет — это такая паршивая индустрия, что, если кто-то из них будет тонуть, другие только помашут ручкой. Странно, но Маэлю казалось знакомым лицо этой балерины. Значит, она известная? Да еще и симпатичная, и сложена хорошо. Наверняка ее терпеть не могут и спасти не кинутся точно. Хотя, если она знаменита, руководство сделает все, лишь бы она уцелела. А следовательно, никакого глупого героизма, и при этом они пойдут на все условия, лишь бы спасти дамочку. Идеально!

Все складывалось очень удачно, Маэлье́н был доволен. Осталось только выйти с девчонкой в коридор в тот момент, когда там окажется побольше людей. А дальше импровизировать. Со своими парнями он встретится в холле.

— Мило выглядишь, — бросил Маэль, осторожно выглядывая в коридор из-за двери. — Модные у тебя туфельки.